

«НАША КОНСТИТУЦИЯ: ПРОСЯТ НЕ ДУТЬ»: МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА

— А все-таки у нас конституция, а это, брат, не шутка.

— Да конституция, но только еврейская. <...> Она обрезана.

Борцы. 1906. № 1. С. 2.

Новость об издании Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка» была внезапной и упала на неподготовленную почву: многие чиновники на местах узнали о таком важном событии наутро из официального «Правительственного вестника». Возбужденные толпы народа, стихийные манифестации, газетные заголовки, трубившие о свободе, — в одних Манифест пробудил радужные надежды на скорые перемены к лучшему, в других — тягостные чувства и смутные опасения. Согласно 3-му пункту документа, подданным империи гарантировались основные гражданские свободы (слова, собраний, совести, союзов, неприкосновенности личности). Провозглашался и скорый созыв Государственной думы, которая отныне становилась законодательным органом власти.

Обстоятельства создания Манифеста хорошо известны¹. Текст его был написан членом Государственного совета князем А. Д. Оболенским и временно управляющим делами Комитета министров Н. И. Вуичем. Непосредственным участником событий был С. Ю. Витте: его всеподданнейший доклад

императору лег в основу документа. Перед правительством, по мнению Витте, стоял выбор между диктатурой и конституцией. При этом сановник отказался от роли возможного диктатора. Среди окружения императора были и те, кто предлагал подавить беспорядки силой и даже ввести военное положение (к примеру, граф А. П. Игнатьев), однако даже командующий Петербургским военным округом великий князь Николай Николаевич, дядя императора, имевший на него большое влияние, выступил за конституцию. 19 октября Николай II писал матери: «Почти все, к кому я ни обращался с вопросом, отвечали мне так же, как Витте, и находили, что другого выхода кроме этого нет. Он прямо объявил, что если я хочу его назначить председателем Совета Министров, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать». Далее император прямо заявлял, что подписанный им документ — «это, в сущности, и есть конституция»².

Издание Манифеста не принесло стране желаемого успокоения. В свою очередь, либеральная публика, на поддержку которой сановник так рассчитывал, считала уступки

¹ Островский А. В. Подписание и обнародование манифеста 17 октября 1905 года // Таврические чтения 2013. Часть 1. СПб., 2014. С. 108–113.

² Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С. 74–75.

власти недостаточными, а меры правительства по усмирению волнений — чрезмерно жестокими и препятствующими успокоению страны. Оппозиционно настроенная и радикальная пресса считала царский манифест декларацией. Министр просвещения И. И. Толстой, работавший с премьером бок о бок в правительстве, признавал, что граф «не предчувствовал размеров скандалов и революционного озлобления, охвативших страну»³. Столичный чиновник И. И. Тхоржевский также признавал, что премьер ошибся в своих ожиданиях: «После 17 октября Витте получил, вместо желаемого оперного апофеоза, травлю и смуту со всех сторон»⁴. Продолжались стихийные митинги и забастовки, по империи прокатились жестокие еврейские погромы. Люди консервативно-охранительных взглядов восприняли ограничение самодержавия как катастрофу и крушение привычного миропорядка. Государственный секретарь С. Е. Крыжановский так описывал свои чувства от Манифеста: «Какие-то неясные предчувствия, какая-то тоска захватывали сердце, что-то словно

треснуло в нашей жизни и поползло лавиной, надвигалась какая-то неясная чужая сила и невольно приходило на ум: “Прости, Святая Русь”»⁵.

Витте воспринимался как главный инициатор перемен. В письме к графу А. Г. Игнатьеву некто, подписавшийся «Истинно русский», выразил мнение многих, восклицая: «За одно только предложение Императору Высочайшего Манифеста 17 октября графа Витте следовало бы повесить. Спасите православный народ!»⁶ Для того чтобы подчеркнуть исключительную роль Витте в появлении документа, карикатуристы использовали различные метафоры. Премьер-министр представал на страницах изданий в образе повара («стряпухи»), матери-кормилицы русской конституции и даже в анималистической ипостаси курицы-наседки. Так или иначе, за Сергеем Юльевичем закрепилась репутация «отца русской конституции», которую он считал впоследствии необычайно значимой. Надпись «17 октября» он завещал выбить и на своем могильном памятнике в усыпальнице Александро-Невской лавры.

19 карикатур

3 Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого / сост. Л. И. Толстая. М., 1997. С. 25.

4 Тхоржевский И. И. Последний Петербург. С. 47.

5 Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. В. Лихоманова. СПб., 2009. С. 75.

6 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1836. Л. 2.

№ 19

3 ноября

5 коп.

ЗРИТЕЛЬ

ГОДЪ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

1905.

Наша конституция — просят не дуть...

№ 14. [Чехонин С. В.]. **Наша конституция — просят не дуть...** Зритель. 1905. № 19. Обложка.

Рука графа Витте строит Манифест 17 октября — российскую Конституцию. Весьма распространенный образ карточного домика подчеркивает хрупкость конструкции (ср. с № 230).

Что за притча? Дымить да и только!..

№ 15. Ре-ми [Ремизов Н. В.]. **Что за притча? Дымит, да и только!..** Стрелы. 1905. № 3. С. 3.

Незадачливый повар Витте готовит на плите разнообразные свободы, декларируемые в Манифесте 17 октября. Лозунги «свобода союзов», «свобода совести», «свобода собраний», «свобода слова», «неприкосновенность личности» он дополняет острыми приправами: «погромы», «военное положение», «фальсификация», «черносотенцы». На трубе сидит народное «недоверие», поэтому плита не работает. Из топки валит густой дым, а Витте в недоумении разводит руками. Его стряпня заведомо низкого качества, поскольку готовится на маргарине, а не на масле. Примечательно, что в 1911 году, обсуждая Манифест, газета «Новое время» назвала русскую Конституцию «маргариновым фальсификатом» (Новое время. 1911. 24 октября).

№ 16. Hamlet [Ридизер И. М.]. **Русская стряпуха.** Волшебный фонарь. 1905. № 3. С. 9.

Автор Манифеста вновь представлен в виде «стряпухи», которая готовит русские законы по заморским рецептам. На ящике с надписью «русские свободы» сидит жандарм с шашкой в руках. Повар-Витте в процессе стряпни выбирает консервативные и пресные «прусские свободы». В карикатуре визуализируется образ «куцей конституции», данной по прусскому образцу, т. е. без всеобщего избирательного права.

№ 17. Аноним. **Вариант «Не пора ли, Сергей...»** Свобода. 1905. № 2. Обложка.

В названии карикатуры обыгрывается стихотворение И. С. Никитина «Ссора» (1854) («Не пора ль, Пантелей, постыдиться людей»). Витте-повар приготовил щи — Конституцию при помощи кухарки П. Н. Дурново. Тот подливает в котелок реакционную воду. «Тех же щей пожиже лей», — обозначает пожелание Дурново художник, прозрачно намекая, что Конституция готовится по старым ретроградным рецептам.

№ 18. Аноним. [Витте-наседка]. Клев. 1905. № 1. С. 4.

Премьер-министр изображен в образе курицы-наседки, высиживающей Конституцию. Результат для Витте неожиданный — яйцо под ним взрывает-ся Революцией.

№ 19. Аноним. «Высоко летает, где-то сядет...» Волшебный фонарь. 1905. № 3. С. 11.

В карикатуре обыгрывается известный фразеологизм — «сесть в калошу», т. е. оказаться в глупом положении, потерпеть поражение. В этом положении и оказался граф Витте, раздававший в октябре щедрые обещания вскоре после опубликования Манифеста.

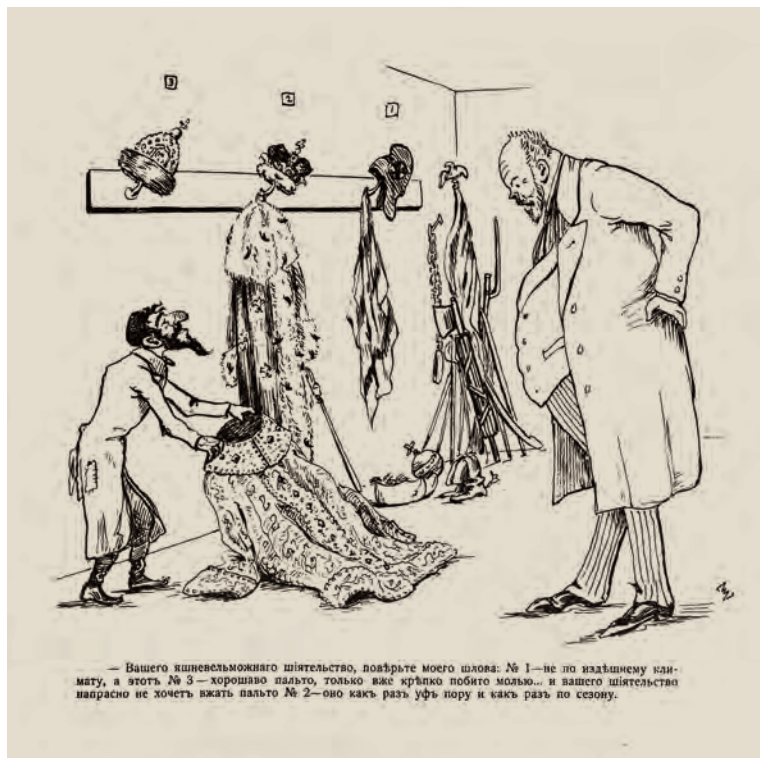

№ 20. Аноним. **[Витте и Николай II при составлении манифеста]**. Открытка. 1905. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 924. Л. 18.

Витте силой заставляет плачущего царя подписать Манифест 17 октября. Такая интерпретация событий осени 1905 года была весьма распространенной. В 1907 году граф И. И. Толстой сделал запись в дневнике после разговора с отставным Витте: «Ему передала одна высокопоставленная дама, что за завтраком им[ператри]ца Александра Федоровна рассказывала присутствующим, что никогда бы злосчастный манифест 17-го октября не был подписан, если б его не подsunул Витте, настоявший, чтобы г[осуда]рь его подписал. По рассказу дамы, г[осуда]рь во время этой речи им[ператри]цы молчал, как бы подтверждая верность слов ее» (С. Ю. Витте на страницах дневника И. И. Толстого. С. 121). Эта открытка имела хождение в нескольких вариантах-перерисовках.

№ 21. Аноним. **«Вашего яшневельможного шиятельство, поверьте моего шлова...»** Шут. 1905. № 50г. С. 3.

Еврей-портной предлагает Витте несколько одеяний. Первый костюм — античная тога («республика») в России не приживется; второй — облачение самодержавного монарха — отжил свое. А третий наряд — конституционного монарха — «как раз в пору и по сезону». Рисунок иллюстрирует распространенные воззрения о связи еврейства с революционным движением, с одной стороны, и Витте как пособника евреев — с другой. Карикатура примечательна тем, что корона, которая предлагается Витте, адресует к его репутации «министра-президента», кандидата на высшую власть в империи. На других изображениях этот атрибут маркирует новый графский титул сановника.

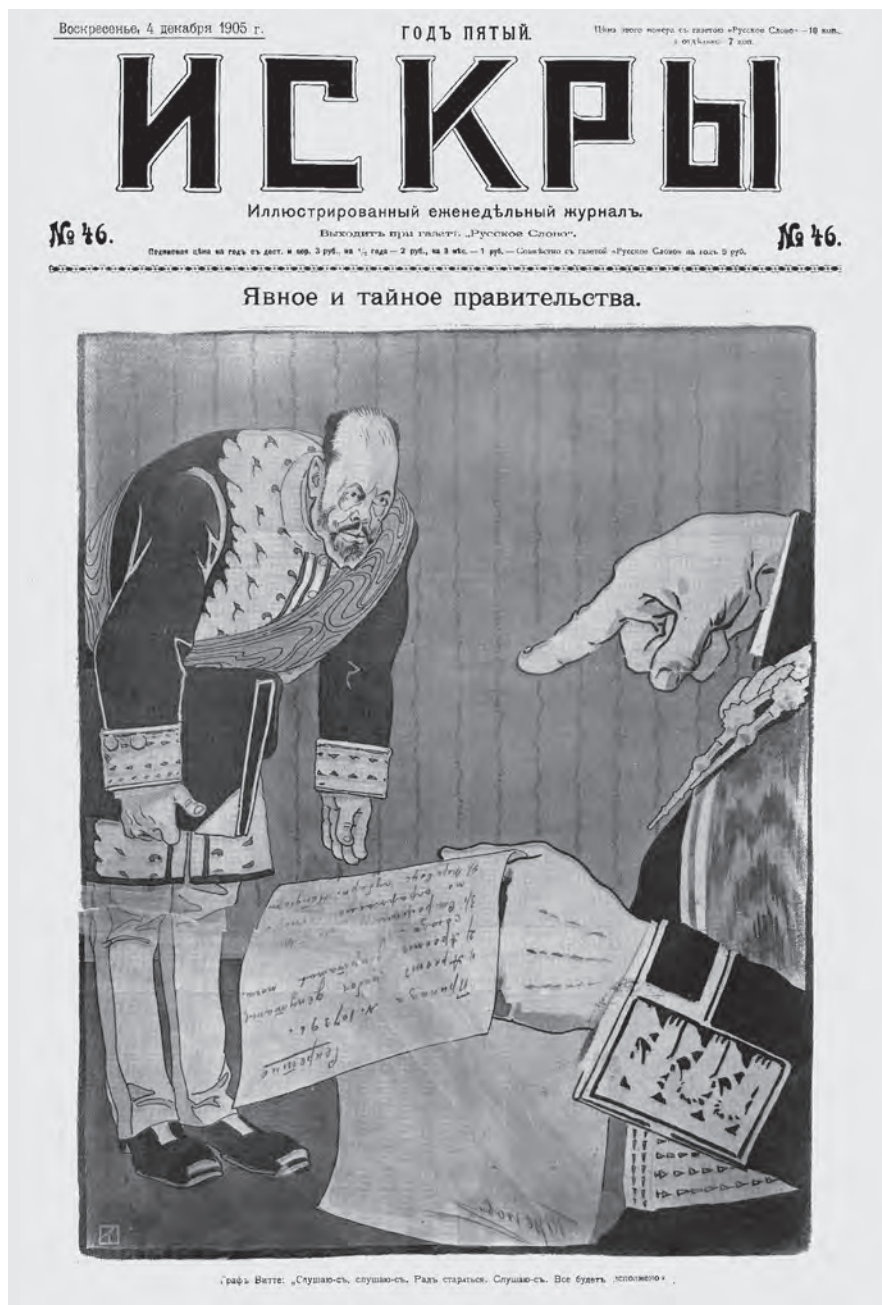
№ 22. [Грабовский И. М.]. **Полу-Мадонна**. Пулемет. 1905. № 2. С. 8.

Председатель правительства (а в прошлом министр финансов) изображен в образе Мадонны, кормящей младенца-конституцию молоком. В руках у него бутылка водки — «казенка».

№ 23. *Поль Де Пари* [Ассатуров П. И].
Галантный кавалер. Петрушка. 1905.
Б. н., б. д. Обложка.

Витте — отец русской Конституции — изображен в виде дородной женщины в кокошнике и национальном костюме, кормящей грудью свое дитя. Рядом с Витте-кормилицей — генерал Д. Ф. Трепов. Он — «галантный кавалер» — всегда готов помочь Витте.

№ 24. [Кустодиев Б. М.]. **Явное и тайное правительства.** Искры. 1905. № 46. Обложка.

Витте в полном придворном облачении склонился перед влиятельным сановником. Собеседник графа невидим для зрителя — отчетливо различимы лишь его указующий перст и часть вицмундира. В другой руке генерал держит официальный документ с надписью «Секретно». На нем написано: «Приказ № 107396. 1. Арест рабоч[их] депутатов. 2. Арест депутатов почт[ового] союза. 3. Строжайшие меры по аграрным беспоря[дкам]. 4. Переводы губерна[торов]...» Внизу листа можно распознать зеркальную подпись — «Трепов». Подобострастность и покорность премьер-министра подчеркнуты художником в подписи к рисунку: «Слушаю-с, слушаю-с. Рад стараться. Слушаю-с. Все будет исполнено».

№ 25. [Дмитриев И. Д.]. «Сударыня! Конституция! В таком виде, возможно ли?..» Журнал журналов. 1906. № 4. Обложка.

На пограничной заставе между Россией и Европой стоит обнаженная Конституция с намерением пройти в Россию. Рядом с ней двое досмотрщиков — Витте и П. Н. Дурново. Последний говорит: «Не угодно ли одеться» — указывая на атрибуты деспотического режима, лежащие на земле (свобода личности в наморднике, свобода печати в виде закрытого на ключ замка, военное положение и усиленная охрана).